

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Свечи

Жила-была большая восковая свеча; она-то уж знала себе цену. — Я из воска и отлита в форме! — говорила она. — Я горю ярче и дольше других свеч; место моё в люстре или в серебряном подсвечнике!

— То-то, должно быть, счастливая жизнь! — сказала сальная свечка. — А я-то только из сала: фитиль мой макали в сало, и вот, вышла я! Но всё же я утешаюсь тем, что я настоящая толстая свечка, а не какая-нибудь захудалая! Бывают, ведь, и такие свечки, которые обмакиваются только два раза, меня же макали в сало целых восемь раз, пока я, наконец, растолстела, как следует. Я довольна! Конечно, лучше, аристократичнее родиться восковой свечкой, а не сальной, но, ведь, не сами же мы выбираем себе положение в свете! Восковые свечи попадут в зал, в хрустальную люстру, я останусь в кухне, но и это не дурное место, — кухня кормит весь дом!

— Но есть кое-что и поважнее еды! — сказала восковая свеча. — Хорошее общество! Быть свидетельницей всего этого блеска, блестеть самой!.. Сегодня вечером в доме бал, скоро меня и всю нашу семью возьмут отсюда!

Только что она проговорила это, все восковые свечи были взяты, но вместе с ними была взята и сальная. Госпожа сама взяла её свою изящную ручкой и отнесла на кухню. Тут стоял маленький

мальчик с корзиною, полною картофеля. Туда же пошли и несколько яблок. Всё это дала бедняжке добрая барыня. – А вот тебе ещё свечку! – прибавила она. – Мать твоя опять будет работать ночью, – ей свечка пригодится!

Маленькая дочка барыни стояла тут же и, услышав слово «ночью», радостно воскликнула:

– Я тоже не буду спать сегодня ночью! У нас бал, и на меня наденут платье с красными бантиками!

Какою радостью сияли её глазки! Где было восковой свечке сравниться блеском с этою парой детских глазок!

– Просто прелесть! – подумала сальная свечка. – Я никогда не забуду этих глазок! Да мне и увидеть-то их, пожалуй, больше не придётся!

Тут её уложили в корзину, прикрыли крышкою, и мальчик унёс корзину домой.

«Куда-то я теперь попаду!» думала свечка. «К бедным людям; там, пожалуй, не найдётся для меня и медного подсвечника, а восковая-то свечка будет себе сидеть в серебре, любоваться знатным обществом! То-то должно быть приятно освещать избранное общество! А вот меня судьба создала сальною, а не восковою свечкою!»

И свечка попала к бедным людям, ко вдове с троими детьми, в низенькую каморку, что приходилась как раз напротив богатого дома.

– Бог награди добрую барыню за всё это! сказала мать. – Вот-то чудесная свечка! Она прогорит за полночь.

И свечку зажгли.

– Апчи-чхи! – зачихала она. – Фу, как эти спички воняют серою! – Небось, таких не поднесут в богатом доме восковой свечке!

А там тоже зажгли свечи, и из окон полился яркий свет на улицу. К дому то и дело подъезжали кареты с разряженными гостями. Заиграла музыка.

«Вот уж началось там!» подумала сальная свечка и вспомнила личико маленькой девочки, сиявшее ярче всех восковых свечек в мире. «Никогда я не забуду его!»

В эту минуту к столу подошла самая младшая девочка в семье и

одной ручонкой обвила за шейку брата, другую сестрёнку: ей надо было сообщить им что-то очень важное, чего нельзя и сказать иначе, как на ушко!

– Вечером – подумайте! – у нас будет горячая картошка!

И глазки её так и сияли от восторга. Свечка светила ей прямо в лицо и видела на нём такую же радость, такое же счастье, какими светилось личико богатой девочки, мечтавшей о красных бантиках!

«Разве горячая картошка такая же прелесть, как красные бантики?» подумала свечка. «Малютки-то, ведь, одинаково радуются!» И она чихнула, то есть затрещала; сальные свечи иначе не умеют чихать.

Стол накрыли и принялись за картошку. Какая она была вкусная! Чудо! Это был целый пир, а на закуску каждому досталось по яблоку! После трапезы, самая младшая девочка проговорила коротенький стишок:

„Благодарю я, Боженька, тебя,
За то, что снова накормил меня!
Аминь!“

– Хорошо я прочитала, мама? – спросила она затем.

– Об этом не надо спрашивать! – ответила мать. – Ты должна думать не о себе, а только о Боженьке, Который накормил тебя!

Детишки улеглись спать, мать перецеловала их, и они сейчас же заснули, сама же мать села за шитьё и сидела далеко за полночь, чтобы заработать себе и детям на пропитание. А там, в богатых покоях, сияли свечи, гремела музыка. Звёзды же блестели на небе одинаково ярко и приветливо и для богатых, и для бедных.

«А, ведь, в сущности, я провела славный вечер!» подумала сальная свечка. «Лучше ли было восковым свечам в серебряных подсвечниках? Вот бы узнать это, прежде чем сгорю!»

И она опять стала вспоминать два одинаково сияющих личика: одно освещённое восковой свечкой, другое – сальнойю.

Да, вот и всё.

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Что сказала вся семья

Что же сказала вся семья? А вот, послушайте сначала, что сказала Маня!

Был день рождения Мани, чудеснейший день в году, по её мнению. К ней собрались поиграть все её маленькие друзья и подружки; одета она была в лучшее своё платье, которое подарила ей бабушка. Теперь бабушка была уже у Боженьки, но она сама скроила и сшила это платье, прежде, чем улетела на ясное небо. Стол в Маниной комнатке был весь завален подарками. Тут была и чудеснейшая маленькая кухня со всеми кухонными принадлежностями, и кукла, которая умела закрывать глаза и кричать «ай», если ей давили животик, и книжка с чудными картинками и сказками для чтения – разумеется, для тех, кто уже умел читать! Но лучше всех сказок была возможность пережить ещё много-много таких дней рождения.

– То-то хорошо жить на свете! – сказала Маня, и крёстный подтвердил, что жизнь – чудеснейшая из сказок.

В соседней комнате расхаживали двое братишек Мани, славные мальчики, один девяти, другой одиннадцати лет. Они тоже были довольны жизнью, находили, что жить на свете чудесно, но жить на их лад, быть не такими малютками, как Маня, а заправскими школьниками, получать хорошие отметки, всласть драться с товарищами, кататься на коньках зимой и на велосипеде летом, читать рыцарские романы с описаниями замков, рыцарей, темниц, да слушать об открытиях во внутренней Африке. Одного из мальчиков, впрочем, сокрушала забота, что к тому времени, как

он успеет вырасти, всё уже будет открыто; но в таком случае он решил просто-напросто пуститься по свету искать самых что ни на есть сказочных приключений. Недаром же крёстный говорил, что жизнь – чудеснейшая из сказок!

Так вот какой разговор шёл в детской. В следующем же этаже, повыше, проживала другая ветвь той же семьи. Здесь тоже были дети, но эти-то давно стоптали свои детские башмаки: одному сыну было семнадцать, другому двадцать, а третий так и вовсе был стариком, по словам Мани; ему исполнилось целых двадцать пять, и он уже был женихом. Всем сыновьям удалось хорошо пристроиться, родители у них были добрые, одевались они хорошо, были одарены прекрасными способностями и знали, чего хотели: «Вперёд! Долой все старые заборы, чтобы видно было на все стороны, чтобы можно было осмотреться на белом свете, чудеснейшем, какой только нам известен! Крёстный прав: «жизнь – чудеснейшая из сказок!»

Отец с матерью, оба люди пожилые, – разумеется, они должны были быть постарше своих детей – говорили с улыбкой на устах, в глазах и в сердце:

– Как они ещё юны! Не всё-то на свете таково, как они себе воображают, но ничего, жить всё-таки можно! Жизнь – в самом деле, удивительная, чудесная сказка!

Над ними, поближе к небу, как говорится о жилых помещениях под самую крышей, проживал крёстный. Стар он уже был, но в то же время так ещё молод душой, так весел! Он всегда готов был рассказывать истории – длинные, интересные, и немудрено, что у него их был большой запас, – он-таки погулял по белу свету! В его комнатке были собраны редкости изо всех стран мира, стены были увешаны картинами, в окнах вставлены разноцветные жёлтые и красные стекла. Поглядишь через них, и кажется, будто всё залито солнцем, какая бы ни стояла на дворе сырая, пасмурная погода. В большом стеклянном ящике росли зелёные растения, а внутри его помещался сосуд, в котором плавали золотые рыбки. Они глядели на вас, точно знали много-много такого, чего не хотели сообщать. В комнатке разливалось благоухание цветов даже зимою, когда в камине ярко пылал огонь. Славно было сидеть тут, глядеть на огонь, да прислушиваться к трескотне и

шипению в камине!

– Огонь рассказывает мне о былом! – говорил крёстный, а Мане казалось даже, что огонь рисует ей картинки!

В большом шкафу, рядом с камином, хранились книги. Одну из них крёстный читал и перечитывал особенно часто, называя её «книгой книг»; это была Библия. В ней отражался в ярких образах весь мир земной, история всего человечества, рассказывалось о сотворении мира, о грехопадении людей, о царях, и о «царе царей».

– В этой книге говорится обо всём, что было и что будет! – говорил крёстный. – Вот как много содержит в себе она одна! Подумай! А всё, о чём только может просить человек, вложено в одну краткую молитву «Отче Наш!» Она – капля Божественного милосердия, жемчужина утешения, ниспосланная нам Богом. Она кладётся, как лучший дар, в колыбельку ребёнка, к его сердцу. Дитя, храни её, как зеницу ока! Не теряй её никогда, даже когда вырастешь, и ты не заблудишься на спутанных тропинках жизни! Она будет светить изнутри тебя, и ты не погибнешь!

И при этих словах глаза крёстного сияли радостью. Они плакали всего раз, в молодые годы, но «и это было хорошо!» – говорил он. – То было время испытания, весь мир Божий казался мне пасмурным! Теперь же опять вокруг меня и во мне самом ярко светит солнышко. Да, чем старше становишься, тем яснее видишь, что всюду и по течению, и против течения ведёт нас сам Господь, и что жизнь – чудеснейшая из сказок! Такою мог сделать её для нас лишь Он один! Он же продолжит её для нас и в вечности!

– То-то хорошо жить на свете! – сказала Маня. То же сказали и маленькие мальчики, и молодые люди, и мать, и отец – вся семья. Но прежде всех сказал это крёстный, а он-то больше всех был умудрён и опытом, и годами! Он знал всевозможные истории и сказки и всё-таки сказал, и сказал от глубины сердца, что «жизнь – чудеснейшая из сказок!»

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Предки птичницы Греты

Птичница Грета была единственной представительницей рода человеческого в новом, красивом домике, выстроенном при усадьбе для кур и уток. Стоял он как раз на том же самом месте, где прежде возвышался старинный барский дом с башнями, кровлю «щипцом» и рвом, через который был перекинут подъёмный мост. В нескольких шагах от домика начиналась дикая чаща кустов и деревьев; прежде тут был сад, спускавшийся к большому озеру, которое теперь стало болотом. Над высокими старыми деревьями кружились и кричали грачи, вороны, галки – несметные стаи. Число их не убавлялось, сколько их ни стреляли, скорее прибавлялось. Крики их слышны были даже в птичнике, где сидела Грета, любуясь утятками, то и дело переползавшими через её ноги, обутые в деревянные башмаки. Старушка знала наперечёт всех своих кур и уток и блюла их с той самой минуты, как они вылуплялись из яичек. Она гордилась ими, гордилась и великолепным домиком, построенным для них. В маленькой комнатке её царствовал такой порядок, такая чистота, – этого требовала сама госпожа, владельница птичника. Она часто приводила сюда своих знатных гостей «полюбоваться утиными и куриными казармами», – как она выражалась.

В комнатке Греты был и платяной шкаф, и кресло, и даже комод, а на нём красовалась блестящая, полированная медная дощечка, с вырезанною надписью: «Груббе». Так именно прозывался древний дворянский род, владевший когда-то старою, исчезнувшею усадьбой. Дощечку эту нашли в земле, когда клали фундамент для нового дома, но, по словам пономаря, она имела цену только, как памятник старины, не более. Пономарь был вообще очень

сведущ, сведения же свои почерпал из книг, да из старинных рукописей, – их у него в ящиках лежало множество. Да, много знал он о старине, но старейшая из ворон знала, пожалуй, побольше его. Она и не таила этого, выкрикивала свои знания во всеуслышание, но по-своему, по-вороньи, а по-вороньи-то пономарь, несмотря на всю свою учёность, не понимал.

Вечерами, после тёплых летних дней, над болотом подымался густой туман, и вся местность казалась издали большим озером, доходившим вплоть до старых деревьев, над которыми летали грачи, вороны и галки. Такое-то вот озеро и расстилалось здесь в старину, когда ещё жив был господин Груббе, владелец старого барского дома с красными кирпичными стенами. Дворовая собака ходила на такой длинной цепи, что могла бегать даже за воротами, а башня была соединена с жилыми покоями бесконечно длинной кирпичною галереей. Окошечки в доме были маленькие, узенькие даже в главной зале, где происходили танцы. Впрочем, при последнем владельце в доме уж не танцевали, хотя в зале всё ещё хранился старинный барабан, игравший когда-то роль в оркестре. Тут же стоял шкаф, весь покрытый искусною резьбою; в нём хранились редкие цветочные луковицы, – госпожа Груббе занималась садоводством. Супруг же её предпочитал стрелять волков да кабанов, а за ним всюду следовала и маленькая дочка его Мария. Лет пяти от роду она уже преважно сидела на коне и смело посматривала кругом своими большими чёрными глазами. Её очень забавляло щёлкать бичом над головами охотничьих собак, отец же предпочитал, чтобы она щёлкала им по спинам крестьянских мальчишек, которые сбегались глазеть на господ. Возле самой усадьбы стояла землянка одного крестьянина. У него был сын Сёрен, одних лет с дочерью господина. Сёрен мастер был карабкаться по деревьям, и барышня постоянно заставляла его доставать ей птичьи гнёзда. Птицы вопили, что было мочи, а одна из самых больших взяла раз, да и клюнула мальчишку прямо в бровь. Кровь полилась ручьём, думали, что с нею вытечет и глаз, но нет, он уцелел. Мария Груббе звала мальчика: «мой Сёрен»; это было знаком большого благоволения, и оно таки пригодилось однажды самому отцу мальчика, бедняку Иону. Он как-то раз провинился, и его посадили верхом на кобылку, т. е.

на узкую острую дощечку, укреплённую на четырёх деревянных подпорках, а к ногам привязали тяжёлые камни, чтобы ему не сиделось чересчур удобно. Бедняк корчил страдальческие гримасы, Сёрен ревел и просил заступничества Марии. Она сейчас же велела спустить крестьянина с кобылки, но её не послушались. Тогда она затопала ногами по каменной мостовой двора и так рванула своего отца за рукав, что рукав треснул. Уж она умела поставить на своём! Пришлось уступить ей и освободить отца Сёрена.

Госпожа Груббе, которая в это время вышла на двор, погладила дочку по головке и ласково поглядела на неё, но Мария не поняла причины.

Её больше тянуло к охотничьим собакам, чем к матери, и мать одна отправилась в сад, к озеру, поросшему тростником, кувшинками и другими красивыми болотными цветами и растениями. Госпожа Груббе залюбовалась этой мирною картиною. «Как хорошо здесь!» шептали её губы. В саду росло, между прочим, одно, в те времена очень редкое, дерево, которое она сама посадила – «красный бук». Оно было своего рода мавром среди других деревьев, такие тёмно-коричневые на нём росли листья. Дереву нужен был яркий солнечный свет: в тени оно стало бы зелёным, как и все прочие деревья, и лишилось бы своей достопримечательности. В ветвях высоких каштанов было пропасть гнёзд, в кустах и в траве тоже. Птицы как будто знали, что они тут в безопасности, что здесь никто не смеет палить в них из ружей.

Но вот явилась маленькая Мария с Сёреном, а он, ведь, как мы знаем, умел лазить на деревья за птичьими яйцами и покрытыми пушком птенчиками. Птицы и большие, и малые в ужасе подняли крик, принялись летать и хлопать крыльями! Из травы взлетали пигалицы, с деревьев грачи, вороны и галки, и всё это каркало, кричало, вопило, как вопят эти породы и поныне.

– Что это вы делаете, дети! – вскричала кроткая госпожа Груббе. – Ведь, это безбожно!

Сёрен переконфузился, высокородная барышня тоже отвернула было личико в сторону, но потом отрывисто выпалила:

– Отец позволяет!

– Прочь! Убраться, убраться отсюда! – кричали большие чёрные птицы, улетаая.

Но на другой же день они вернулись опять, – тут, ведь, они были у себя дома.

А вот тихая, кроткая госпожа Груббе так недолго оставалась тут; Господь Бог отозвал её к Себе, – она больше была у себя дома на небе, нежели в барской усадьбе. Тело вынесли в церковь под торжественный звон колоколов, бедняки роняли слёзы, – она была добра к ним.

После неё некому было заботиться о её растениях, и сад заглох. Господин Груббе был, как говорили, человек жёсткий, суровый, но дочь, несмотря на всю свою молодость, умела вертеть им по-своему; она смешила его и добивалась своего. Теперь ей минуло двенадцать лет, она была крепкого сложения, смело смотрела своими чёрными глазами в лицо людям, ездила верхом, как мужчина, и стреляла, как опытный охотник.

В окрестность прибыли знатные-презнатные гости: сам молодой король и его сводный брат и товарищ, господин Ульрик-Фредерик Гюльденлёве. Они вздумали поохотиться на диких кабанов и хотели провести денёк в усадьбе господина Груббе.

Гюльденлёве сидел за столом рядом с Марией, взял её за подбородок и поцеловал, словно они были в родстве, но она закатила ему звонкую пощёчину и сказала, что терпеть его не может. Он же, а за ним и все остальные, принялись смеяться, словно она ему и невесть какую приятную вещь сказала!

Да, должно быть, таки её слова пришлись ему по вкусу: пять лет спустя, когда Марии исполнилось семнадцать лет, на двор прискакал гонец с письмом, в котором господин Гюльденлёве просил руки благородной девицы. Вот как!

– Он знатнейший и любезнейший кавалер в королевстве! – сказал господин Груббе. – Такими женихами не брезгуют!

– Не очень-то он мне нравится! – ответила дочка, но всё-таки не побрезговала знатнейшим человеком в королевстве, столь близко стоявшим к самому королю.

Приданое – серебро, меха и бельё – было отправлено в Копенгаген на корабле, сама невеста отправилась туда сухим путём. Переезд этот занял десять дней, корабль же с приданым

был задержан отчасти противными ветрами, отчасти безветрием, и прибыл на место лишь через четыре месяца, когда самой госпожи Гюльденлёве уж и след простыл.

– Лучше спать на соломе, чем на его шёлковой постели! – сказала она. – Лучше буду ходить босиком, чем разъезжать с ним в карете!

И вот, поздним ноябрьским вечером в Оргус приехали две женщины: супруга Гюльденлёве – Мария Груббе и её служанка. Они прибыли туда из Вейле, куда приплыли на корабле из Копенгагена. Скоро они въехали и в обнесённый каменной оградой двор замка господина Груббе. Неласково встретил отец дочку, но всё же отвёл ей комнату. Мария поселилась в ней, получала по утрам хлеб с маслом, но нельзя сказать, чтобы всё остальное в её жизни шло, как по маслу. Крутой нрав отца отзывался теперь и на ней, а она к этому не привыкла, к тому же сама была не из мягких натур и за словом в карман не лазила: как аукнется, мол, так и откликнется! О своём супруге она отзывалась со злобою и ненавистью и говорила, что ни за что не сойдётся с ним больше, – слишком она честна и чиста душою и телом!

Так прошёл год и нельзя сказать, чтобы приятно. Отец и дочь обменивались недобрыми словами, а это не годится: недоброе слово и плод приносит недобрый.

Бог знает чем бы всё это кончилось!

– Нет, нам с тобой не ужиться под одною кровлею! сказал, наконец, старик. – Уезжай отсюда в нашу старую усадьбу, да держи лучше свой язык на привязи, чем давать ход сплетням!

Отец с дочерью расстались; она переехала со своею служанкою в старую усадьбу, где родилась и выросла, где жила и умерла её кроткая, благочестивая мать, обретшая покой в склепе старой усадебной церкви. В усадьбе жил только старый пастух, – вот и вся дворня. В комнатах насела паутина, покрытая чёрным слоем пыли, сад совсем заглох; между деревьями и кустами повисли густые сети хмеля и вьюнка; белена и крапива разрослись на славу. «Красный бук» рос теперь в тени, и листья его приняли обыкновенную зелёную окраску; миновала его краса! Но над высокими каштанами по-прежнему летали бесчисленные стаи грачей, ворон и галок. Они кричали и вопили, словно передавая

друг другу великую новость: «Опять приехала сюда та девчонка, что приказывала таскать у нас яйца и птенцов! Сам же воришка карабкается теперь по дереву без сучьев и листьев, взбирается на высокие мачты и частенько получает здоровые трёпки, коли ведёт себя не так, как надо».

Обо всём этом рассказывал нам пономарь; он добыл все эти сведения из разных книг и записок, – у него их был полный шкаф.

– На этом свете всё идёт то в гору, то под гору! – говаривал он. – Диковинно послушать!

Послушаем и мы о том, что случилось с Марией Груббе, но не забудем при этом и о птичнице Грете, что сидит в своём великолепном птичнике в наше время, как Мария сидела в усадьбе в своё, только не то у неё было на душе, что у птичницы Греты! Прошла зима, прошла весна и лето, опять завывали осенние ветры, потянулись с моря сырые, холодные морские туманы. Скучно, одиноко жилось в усадьбе.

И вот, Мария Груббе взялась за своё ружьё, стала ходить в степь стрелять зайцев да лисиц, а то и птиц, если попадались. В поле она частенько встречала благородного господина Палле Дюре из Нёрребэка. Он тоже разгуливал там с ружьём да собаками. Дородный он был, сильный мужчина и всегда хвастался этим в беседах с Марией. Он мог даже померяться силою с покойным господином Броккенгусом из Эгескова, что на Фионии, о силе которого и до сих пор ходили рассказы. По его-то примеру и Палле Дюре повесил у себя в воротах железную цепь с охотничьим рожком и, возвращаясь домой, схватывался за эту цепь, приподымался на воздух вместе с лошадьёю и трубил в рог.

– Приезжайте сами посмотреть на это, сударыня! – говорил он. – У нас в Нёрребэке можно подышать свежим воздухом!

Когда именно она приехала к нему, из старинных записей не видно, но на подсвечниках в Нёрребэкской церкви можно прочесть, что они принесены церкви в дар господином Палле Дюре и Марией Груббе, владельцами Нёрребэка.

Телом и силами Палле Дюре похвастаться мог, вино он всасывал в себя, как губка, как бездонная бочка, а храпел, как целое стадо свиней. Красный он был, разбухший!

– Ехидный, да и задира вдобавок! – говорила про него госпожа Палле Дюре, урождённая Груббе.

Скоро ей наскучило вести такую жизнь, но жизнь-то от этого лучше не становилась.

И вот, в один прекрасный день стол был накрыт, и кушанья остыли: Палле Дюре охотился за лисицами, а госпожи нигде не могли отыскать. Палле Дюре вернулся домой около полуночи, а госпожа Дюре не вернулась ни ночью, ни на другой день утром. Она покинула Нёрребэк, ушла, не простившись ни с кем.

Погода стояла сырая, серая, дул холодный ветер, над головою Марии с криком вились стаи чёрных птиц, – они-то не были такими бездомными беглянками, как она.

Мария сначала направилась к югу, в Германию; тут золотые перстни с драгоценными камнями были обращены в деньги; потом она направилась на восток, потом опять повернула на запад, – у неё не было перед собою никакой цели, она сердилась на всех и на всё, даже на Бога, так ожесточена была её душа. Но вот, силы начали изменять ей, она едва передвигала ноги от усталости, наконец, запнулась о кочку и упала. С кочки взлетела пигалица и пискнула: «Чув-чув! Ах ты воровка!» Мария никогда не посягала на добро ближнего, но птичьи яйца и птенцов приказывала красть для себя, когда была маленькая. Теперь она припомнила это.

С того места, где она лежала, видны были береговые дюны; там жили рыбаки, но она не могла добраться до них, так она была слаба. Большие белые чайки пролетали над нею и кричали так же пронзительно, как кричали, бывало, грачи, вороны и галки в усадьбе; птицы подлетали к Марии всё ближе и ближе, под конец из белых стали чёрными, как уголь, да и всё потемнело в её глазах...

Когда она опять открыла их, она увидела, что её подняли и несут на руках. Нес её высокий, сильный малый. Она взглянула в его бородатое лицо, – над глазом у него был глубокий шрам, бровь как будто была перерезана пополам. Он отнёс несчастную женщину на судно, где служил матросом, а шкипер разругал его за это на чём свет стоит.

На другой день корабль отплыл. Марию Груббе не высадили,

значит и она тоже отправилась в плавание. Но она, конечно, вернулась обратно? Да, только когда и куда?

И об этом пономарь мог рассказать; при этом он ровно ничего не выдумывал от себя, а почерпал все свои сведения из достоверного источника – из одной старой книги, которую мы и сами можем взять да прочесть. Написал её датский историк Людвиг Гольберг, автор многих прекрасных книг и забавных комедий, которые так живо рисуют нам его век и современников. В своих письмах Гольберг рассказывает о своей встрече с Марией Груббе. Об этом стоит послушать, но всё же мы не забудем из-за этого птичницы Греты, что сидит теперь такая весёлая и довольная в своём великолепном птичнике.

Остановились мы на том, что Мария Груббе отплыла на корабле.

Прошли годы.

В Копенгагене в 1711 г. свирепствовала чума. Королева Дании отплыла на родину в Германию, король тоже покинул столицу, да и все, кто только мог, бежал из неё. Старались выбраться из города и студенты, даже те, что пользовались даровым помещением и столом. В так называемой «Борхс-Коллегии» оставался всего один студент, да и тот собирался уехать. Было два часа утра, когда он вышел оттуда с ранцем на плечах; в нём больше было книг и рукописей, нежели платья и белья. Над городом навис густой тягучий туман, на улицах не было видно ни души. Кругом почти на всех дверях и воротах стояли кресты, – в тех домах были больные чумою, или все уже вымерли. Не было видно людей и в более широкой извилистой «Kjødmandergade», как называлась тогда улица от «Круглой Башни» до королевского дворца. Но вот мимо прокатила тяжёлая телега. Кучер пощёлкивал кнутом, лошади неслись вскачь; телега была битком набита трупами. Молодой студент поднёс руку к носу и стал вдыхать крепкий спирт, в который была омочена губка, уложенная в медную коробочку. Из кабачка в одном из переулков раздавалось дикое пение и хохот. Люди пьянствовали там всю ночь, чтобы забыть о чуме, стоявшей за дверями и готовой уложить их в телегу к другим мертвецам. Студент направился к дворцовому мосту; у набережной стояла пара небольших судов; одно уже готовилось отплыть из заражённого города.

– Коли Бог даст, будем живы и дождёмся попутного ветра, пойдём в Грензунд к Фальстеру! – сказал шкипер и спросил студента, желавшего сесть на судно, как его зовут.

– Людвиг Гольберг! – ответил тот, и имя это прозвучало тогда, как и всякое другое, теперь же оно принадлежит к славнейшим датским именам! А тогда-то он был простой, неизвестный никому, бедный студент.

Судно проплыло мимо дворца, и не успело рассветать, как оно уже вышло в открытое море. Поднялся лёгкий ветерок, паруса надулись, молодой студент сел лицом против свежего ветра, да и заснул; нельзя сказать, чтобы это было с его стороны особенно благоразумно!

Уже на третье утро судно встало на якорь у Фальстера.

– Не знаете ли вы, у кого бы мне найти здесь пристанище за небольшую плату? – спросил Гольберг у капитана.

– Думаю, что лучше всего вам обратиться к перевозчице! – ответил тот. – Коли хотите быть с нею полюбезнее, зовите её матушкой Сёрен Сёренсен Мёллер! Но смотрите, не слишком-то уж любезничайте, не то она рассердится! Муж её арестован за убийство, и она сама теперь правит перевозом, – лапищи у неё здоровые!

Студент забрал свою котомку и пошёл в домик перевозчицы. Дверь не была заперта; он приподнял щеколду и вошёл в комнату, выстланную кирпичом. Главною мебелью была длинная скамья, покрытая большим кожаным одеялом. К скамье была привязана белая насадка с цыплятами; она опрокинула блюдечко с питьём и вода разлилась по полу. Ни в этой, ни в соседней комнате не было ни души, кроме грудного ребёнка в колыбельке. Но вот показалась лодка, отплывшая от противоположного берега; в ней кто-то сидел, но кто именно – мужчина или женщина – решить было мудрено: сидевший был закутан в широкий плащ с капюшоном, покрывавшим голову. Лодка пристала к берегу.

Из неё вышла и вошла в комнату женщина, ещё очень видная собой – особенно когда выпрямляла спину. Из-под чёрных бровей гордо смотрели чёрные глаза. Это и была сама матушка Сёрен, перевозчица. Грачи, вороны и галки прокричали бы, впрочем, другое, более знакомое нам имя.

Сурово глядела она, скупа была на слова, но всё же студенту удалось сговориться с нею насчёт платы за стол и за помещение на то время, пока в Копенгагене будет обстоять неблагополучно. В домик перевозчицы частенько заглядывали из ближайшего городка некоторые почтенные граждане, вроде Франца Ножевщика и Сиверта Обозревателя мешков[1]. Они потягивали из кружек пивцо и беседовали со студентом. Он был мастер своего дела, – как выражались они – читал по-латыни и по-гречески и умел потолковать об учёных предметах.

– Чем меньше знаешь, тем легче живётся! – заметила однажды матушка Сёрен.

– Да, вот вам-то нелегко приходится! – сказал Гольберг, застав её за стиркою белья в щёлоке, причём ей самой приходилось раскалывать тяжёлые плахи на подтопку.

– Ну, про то я одна знаю! – ответила она.

– Что ж вы с малых лет так колотитесь?

– Это видно по рукам; прочесть, чай, не трудно! – сказала она, показывая ему свои, правда, маленькие, но огрубелые и сильные руки с обкусанными ногтями. – Вы, ведь, учёный!

Около Рождества начались сильные метели; мороз крепчал, ветер как будто промывал людям лица крепкою водкою. Но матушка Сёрен не боялась никакой погоды, завернувшись в свой плащ, да надвинув капюшон на голову.

Было не поздно, но в комнатке уже совсем стемнело; хозяйка подложила в печку хвороста и вереска, сама уселась возле и принялась штопать свои чулки, – другому некому было взяться за это дело. Под вечер она стала словоохотливее, чем это вообще было в её привычках. Она заговорила о своём муже.

– Он нечаянно убил одного драгёрского шкипера и должен за это три года пробыть на каторге. Что ж, он, ведь, простой матрос, так должно поступать с ним по закону!

– Поступают по закону и с лицами высшего сословия! – сказал Гольберг.

– Вы думаете? – сказала матушка Сёрен и поглядела в огонь, но затем начала снова. – А вы слышали о Кае Люкке? Он велел скрыть одну из своих церквей, а когда священник Мас стал громить его за это с кафедры, приказал заковать духовного отца в цепи,

созвал суд и сам приговорил его к казни. И священнику отрубили голову! Это уж не было нечаянным убийством, а Кая Люкке всё-таки не тронули!

– Он действовал сообразно нравам своего времени! – сказал Гольберг. – Теперь эти времена миновали!

– Рассказывайте! – сказала матушка Сёрен, встала и пошла в другую каморку, где была «девчурка», прибрала и уложила её, потом приготовила на скамье постель студенту. Кожаное одеяло было отдано ему, – он был куда чувствительнее к холоду, чем она, даром что родился в Норвегии.

Утро в день Нового года было ясное, солнечное; мороз, однако, стоял такой, что нанесённый метелью снег превратился в твёрдую кору, и по нему можно было ходить как по полу. Колокола в городе зазвонили к обедне. Студент завернулся в свой шерстяной плащ и собрался пойти в город.

Над домиком перевозчицы с криком и карканьем летали грачи, вороны и галки; из-за их крика не слышно было даже колокольного звона. Матушка Сёрен стояла за порогом и набирала в котелок снегу, чтобы вскипятить воды. Она смотрела на стаи птиц и думала свою думушку.

Студент пошёл в церковь; на пути туда и обратно ему пришлось проходить мимо дома Сиверта Обозревателя мешков. Когда студент проходил во второй раз, его зазвали выпить кружку тёплого пива с сиропом и имбирём. Речь зашла о матушке Сёрен, но хозяин немного мог сообщить о ней, знал только, что она нездешняя, что у неё когда-то водились деньжонки, и что муж её, простой матрос, убил сгоряча одного драгёрского шкипера. «Он бивал и жену, но она стоит за него горой!»

– Я бы такого обращения не потерпела! – сказала хозяйка. – Ну, да и то сказать, я лучшего происхождения! Мой отец, ведь, был королевским ткачом чулок!

– Да и замужем-то вы за королевским чиновником! – сказал Гольберг и откланялся хозяевам.

Вот подошёл и вечер, а в вечер Нового Года празднуется память трёх восточных царей, пришедших на поклонение Младенцу Иисусу, и матушка Сёрен зажгла для Гольберга в честь трёх царей особую «тройную» сальную свечу собственного изделия.

– По одной свечке для каждого мужа! – сказал Гольберг.

– Для каждого мужа? – спросила женщина и пристально посмотрела на него.

– Ну да, для каждого из восточных мужей! – сказал студент.

– Ах, вы вот о чём! – сказала она и долго сидела молча.

Но всё-таки в этот вечер студенту удалось выведать от неё кое-что.

– Вы любите своего мужа? – начал Гольберг. – А поговаривают, что он обходился с вами жестоко.

– Это никого не касается, кроме меня! – ответила она. – Такие побои принесли бы мне большую пользу в детстве, теперь же они достаются мне, вероятно, за мои грехи! О том же, сколько добра он мне сделал – знаю я одна! – И она выпрямилась. – Я валялась в степи больная, и никому не было дела до меня, кроме разве грачей, да ворон, которые готовы были заклевать меня! А он взял меня на руки и отнёс на судно, не побоялся головою шкипера за такой груз! Я не из хворых и скоро оправилась. Каждый живёт по-своему, и Сёрен по-своему. Нельзя судить клячу по узде! С ним мне всё-таки жилось куда лучше, нежели с любезнейшим и знатнейшим из всех подданных короля. Я, ведь, была замужем за наместником Гюльденлёве, сводным братом короля. Потом я вышла за Палле Дюре. Оба – одного поля ягоды! У каждого свой вкус, и у меня свой! Заболталась я, однако, с вами, ну, да зато теперь вы знаете всё!

И она ушла из комнаты.

Это была Мария Груббе! Вот как обернулось для неё колесо счастья! Немного ещё Новогодних вечеров довелось ей пережить. Гольберг пишет, что она умерла в июне 1716 года, но он не пишет о том, – да он и не знал этого – что когда матушка Сёрен, как её называли, лежала в гробу, над домом, молча, носились стаи больших чёрных птиц, – они как будто знали, что там, где похороны, надо соблюдать тишину. После же того, как тело предали земле, чёрные птицы улетели, и никто больше не видал их в той местности. Зато в тот же вечер над старую усадьбою в Ютландии виднелись целые стаи грачей, ворон и галок, готовых перекричать друг друга. Они словно торопились поделиться вестью, что таскавший их яйца и покрытых пушком

птенцов крестьянский мальчишка работает теперь в кандалах на каторге, а благородная девица окончила жизнь перевозчицей через Грензунд. «Кра! Кра! Бра! Бра! Bravo!» – кричали птицы. Тоже кричали они, когда срывали старую усадьбу.

– Они и теперь кричат то же, а и кричать-то уж не о чем! – сказал пономарь. – Весь род Груббе вымер, усадьба скрыта, и на месте её стоит теперь нарядный птичник с вызолоченными флюгерами, а в нём сидит птичница Грета. Как она радуется своему прелестному жилищу! Не попади она сюда, ей, ведь, пришлось бы доживать век в богадельне!

Над нею ворковали голубки, вокруг клохтали индейки, крякали утки.

– Никто не знает её! – толковали они. – Безродная она. Милость Божья, что она попала сюда. Нет у неё ни селезня-батюшки, ни курицы-матушки, ни деток!

Но она всё-таки не была безродной; предки-то у неё были, только она не знала их. Не знал их и пономарь, сколько ни валялось у него в ящике стола рукописей; знала и рассказывала об этом лишь одна из старых ворон. Она ещё от матери своей и бабушки слышала о матери и о бабушке Греты. Последнюю-то и мы знаем, знаем ещё с тех пор, как она девочкой проезжала по подъёмному мосту и гордо посматривала кругом, словно весь свет и все птичьи гнёзда принадлежали ей одной. Видели мы её потом в степи, около дюн, и, наконец, у перевоза через Грензунд.

Внучка её, последняя в роде, опять попала туда, где стояла старая усадьба, и где кричали чёрные дикие птицы, но она-то сидела в кругу ручных, домашних птиц. Они знали её, и она знала их. Птичнице-Грете нечего было больше желать, она бы рада была и умереть теперь – стара уж она стала.

«Гроб! Гроб!» кричали вороны.

И птичницу-Грету положили в гроб и схоронили, но где – никто не знает, кроме старой вороны, если только и та не околела.

Так вот, мы теперь узнали историю старой усадьбы и древнего рода, узнали и о предках птичницы Греты.

---

^[1] Действующие лица из комедии Гольберга: «Медник-Политик».

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Судьба репейника (Доля репейника)

Перед богатой усадьбой был разбит чудесный сад с редкими деревьями и цветами. Гости, наезжавшие в усадьбу, громко восхищались садом; горожане и окрестные деревенские жители нарочно приезжали сюда по воскресеньям и праздникам просить позволения осмотреть его; являлись сюда с той же целью и ученики разных школ со своими учителями.

За решёткой сада, отделявшей его от поля, вырос репейник; он был такой большой, густой и раскидистый, что по всей справедливости заслуживал название «репейного куста». Но никто не любовался на него, кроме старого осла, возившего тележку молочницы. Он вытягивал свою длинную шею и говорил репейнику:

«Как ты хорош! Так бы и съел тебя!» Но верёвка была коротка, и ослу не удавалось дотянуться до репейника.

В саду собралось раз большое общество; к хозяевам приехали знатные гости из столицы, молодые люди, прелестные молодые девушки, и между ними одна барышня издалика, из Шотландии, знатного рода и очень богатая. Завидная невеста, – говорили холостые молодые люди и их маменьки.

Молодёжь резвилась на лужайке, играла в крокет, затем все отправились гулять по саду; каждая барышня сорвала по цветочку и воткнула его в петлицу одного из молодых людей. Молодая же шотландка долго озиралась кругом, выбирала, выбирала, но так ничего и не выбрала: ни один из садовых цветков не пришёлся ей по вкусу. Но вот она глянула за решётку, где рос репейник, увидела его иссиня-красные пышные цветы, улыбнулась и попросила сына хозяина дома сорвать ей один из них.

– Это цветок Шотландии! – сказала она. – Он красуется в шотландском гербе. Дайте мне его!

И он сорвал самый красивый, уколол себе при этом пальцы, словно цветок рос на колючем шиповнике.

Барышня продела цветок молодому человеку в петлицу, и он был очень польщён этим, да и каждый из остальных молодых людей охотно бы отдал свой роскошный садовый цветок, чтобы только получить из ручек прекрасной шотландки хоть репейник. Но уж если был польщён хозяйский сын, то что же почувствовал сам репейник? Его как будто окропило росой, осветило солнышком.

«Однако, я поважнее, чем думал!» сказал он про себя. «Место-то моё, пожалуй, в саду, а не за решёткою. Вот, право, как странно играет нами судьба! Но теперь хоть одно из моих детищ перебралось за решётку, да ещё угодило в петлицу!»

И с тех пор репейник рассказывал об этом событии каждому вновь распускавшемуся бутону. Не прошло затем и недели, как репейник услышал новость – не от людей, не от щебетуний-пташек, а от самого воздуха, который воспринимает и разносит повсюду малейший звук, раздавшийся в самых глухих аллеях сада, или во внутренних покоях дома, где окна и двери отворены настежь. Ветер сообщил, что молодой человек, получивший из прекрасных рук шотландки цветок репейника, удостоился, наконец, получить

и руку и сердце красавицы. Славная вышла парочка, вполне приличная партия.

«Это я их сосватал!» решил репейник, вспоминая свой цветок, попавший в петлицу. И каждый вновь распускавшийся цветок должен был выслушивать эту историю.

«Меня, конечно, пересадят в сад!» рассуждал репейник. «Может быть, даже посадят в горшок; тесновато будет, ну да зато почётно!»

И репейник так увлёкся этою мечтою, что уже с полной уверенностью говорил: «я попаду в горшок!» и обещал каждому своему цветочку, который появлялся вновь, что и он тоже попадёт в горшок, а, может быть, даже и в петлицу, – выше этого уж попасть было некуда! Но ни один из цветов не попал в горшок, не говоря уже – в петлицу. Они впивали в себя воздух и свет, солнечные лучи днём и капельки росы ночью, цвели, принимали визиты женихов – пчёл и ос, которые искали приданого, цветочного сока, получали его и покидали цветы. «Разбойники этакие!» говорил про них репейник. «Так бы и проколол их насквозь, да не могу!»

Цветы поникали головками, блекли и увядали, но на смену им распускались новые.

– Вы являетесь как раз вовремя! – говорил им репейник. – Я с минуты на минуту жду пересадки туда, за решётку.

Невинные ромашки и мокричник стояли и слушали его с глубоким изумлением, искренно веря каждому его слову.

А старый осёл, таскавший тележку молочницы, стоял на привязи у дороги и любовно косился на цветущий репейник, но верёвка была коротка, и он никак не мог добраться до кустарника.

А репейник так много думал о своём родиче, шотландском репейнике, что под конец уверовал в своё происхождение из Шотландии и в то, что именно его-то родители и сидели в гербе страны. Великая то была мысль, но отчего бы такому большому репейнику и не иметь великих мыслей?

– Иной раз приходишь из такой знатной семьи, что не смеешь и догадываться о том! – сказала крапива, росшая возле; у неё тоже было какое-то смутное сознание, что при надлежащем уходе и она могла бы превратиться в кисею!

Лето прошло, прошла и осень, листья с деревьев пооблетели, цветы приобрели более яркую окраску, но отчасти утратили свой запах. Ученик садовника распевал в саду по ту сторону решётки:

„Вверх на горку,
Вниз под горку,
Времечко бежит!“

Молоденькие ёлочки в лесу начали уже томиться предрождественскою тоской, но до Рождества было ещё далеко.

– А я-то всё ещё здесь стою! – сказал репейник. – Никому как будто и дела до меня нет, а, ведь, я устроил свадьбу! Они обручились, да и поженились вот уж неделю тому назад! Что ж, сам я шагу не сделаю, – не могу!

Прошло ещё несколько недель. На репейнике красовался уже только один цветок, последний, но большой и пышный. Вырос он почти у самых корней, ветер обдавал его холодом, краски его поблёкли, и чашечка, такая большая, словно у цветка артишока, напоминала теперь высеребранный подсолнечник.

В сад вышла молодая парочка, муж с женою. Они шли вдоль садовой решётки, и молодая женщина взглянула через неё.

– А вот он, большой репейник! Всё ещё стоит! – воскликнула она. Но на нём нет больше цветов!

– Нет, видишь вон блаженную тень последнего! – сказал муж, указывая на высеребранный остаток цветка.

– А он всё-таки красив! – сказала она. – Надо велеть вырезать такой на рамке вокруг нашего портрета.

И молодому мужу опять пришлось перелезть через решётку и сорвать цветок репейника. Цветок уколол ему пальцы, – молодой человек, ведь, обозвал его «блаженною тенью». И вот, цветок попал в сад, в дом и даже в залу, где висел портрет молодых супругов, написанный масляными красками. В петлице у молодого был изображён репейный цветок. Поговорили и об этом цветке и о том, который только что принесли; его решено было вырезать на рамке.

Ветер подхватил эти речи и разнёс их далеко-далеко по всей окрестности.

– Чего только не приходится пережить! – сказал репейник. – Мой первенец попал в петлицу, мой последыш попадёт в рамку! Куда же попаду я?

А осёл стоял у дороги и косился на него:

– Подойди же ко мне, моя аппетитная! – Я не могу подойти к тебе, – верёвка коротка!

Но репейник не отвечал; он всё больше и больше погружался в думы. Так он продумал вплоть до Рождества и, наконец, расцвёл мыслью:

«Коли детки пристроены хорошо, родители могут постоять и за решёткою!»

– Вот это благородная мысль! – сказал солнечный луч. – Но и вы займёте почётное место!

– В горшке или в рамке? – спросил репейник.

– В сказке! – ответил луч.

Вот она!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Что можно придумать

Жил-был молодой человек; он усердно готовился в поэты и хотел стать поэтом уже к Пасхе, потом жениться и зажить творчеством. Это вовсе нетрудно; всё дело в том, чтобы придумывать, да придумывать, но что именно? То-то вот и есть! Опоздал он родиться! Все сюжеты уже были разобраны до его появления на свет, всё уже было описано, воспето в поэзии.

– То-то счастье было тем, что родились тысячу лет тому назад!

– сказал он. – Им-то легко было обессмертить себя! Да, счастливы были и те, что явились на свет лет за сто до нашего времени, – и тогда ещё оставалось кое о чём писать. Но теперь всё на свете давно воспето и перепето, о чём же петь мне?

И он так усердно ломал себе голову, что, наконец, захворал бедняга. Никакой доктор не мог ему помочь, одна оставалась надежда на знахарку. Она жила в маленьком домике, у околицы, которую и должна была отворять для возов и проезжих. Но она годилась кое на что и поважнее – умом-то она, ведь, заткнула бы за пояс любого доктора, что ездит в собственном экипаже и платит государственный налог за чин!

– Надо пойти к ней! – решил молодой человек.

Жила знахарка в маленьком, чистеньком, но как будто скучном на вид домике: ни деревца вокруг, ни цветочка! Перед дверями только улей – вещь полезная, да картофельное поле – тоже вещь очень полезная, да ещё канава, обросшая кустами терновника. Терновник уже отцвёл и был осыпан ягодами, которые сводят рот, если вздумаешь есть их прежде, чем их хватит морозом.

«Точная картина нашего времени, лишённого всякой поэзии!» подумал молодой человек. Вот уж, значит, он и нашёл у дверей знахарки жемчужное зёрнышко, – у него блеснула идея!

– Запиши её! – сказала старуха. – И крошки, ведь, тот же хлеб! Я знаю, зачем ты пришёл! Ты не можешь ничего придумать, а всё-таки хочешь выйти к Пасхе в поэты!

– Все сюжеты уже разобраны! – сказал он. – Наше время – не доброе старое время!

– Нет! – ответила старуха. – В то время знахарок сжигали, а поэты разгуливали с пустым желудком, да с прорванными локтями. Наше время именно самое лучшее время! Но ты не умеешь смотреть на вещи, как следует, ты не изощрял своего слуха и мало читал по вечерам: «Отче наш!» Есть о чём петь и рассказывать и в наше время, умей только взяться за дело! Черпай мысли откуда хочешь – из трав и злаков земных, из стоячих и текучих вод! Но для этого, конечно, нужно обладать даром разумения, уметь – как говорится – поймать солнечный луч! На вот, попробуй-ка надеть мои очки, приставь к уху мой слуховой рожок, призови на помощь Господа Бога, да перестань думать о самом себе!

Последнее-то уж было чересчур трудно; некстати бы такой умной женщине и требовать этого!

Молодой человек вооружился очками, слуховым рожком, и знахарка поставила его посреди картофельного поля, вручив ему предварительно большую картофелину. Картофелина издавала звуки. Он прислушался и услышал целую песню о житье-бытье картофелины, «обыкновенную историю» в десяти частях. А и десяти строк было бы довольно!

Так о чём же пела картофелина?

Она пела о самой себе и своей семье, о прибытии первых картофелин в Европу и о тех испытаниях и мытарствах, через которые они прошли, пока их признали куда большею благодатью для края, нежели золотые самородки.

«Нас разослали, согласно королевскому приказу, по всем городским ратушам; всем было объявлено о нашем великом значении, но в него не верили, не знали даже, как обращаться с нами. Кто выкапывал яму и бросал в неё всю меру картофеля зараз, кто рассаживал картофелины там и сям по полю и ждал, что из них вырастут целые деревья, с которых можно будет отряхнуть картофелины! Ну, вот и выростала зелень, на ней распускались цветы, потом появлялись водянистые плоды, но затем всё растение увядало, и никому в голову не приходило, что настоящая-то благодать лежит в земле – самые-то картофелины. Да, много мы перетерпели, вынесли, то есть не мы, а наши предки, но это всё едино!»

– Вот так история! – сказал молодой человек.

– Ну, теперь довольно! – сказала старуха. – Посмотри на терновник!

– У нас тоже есть близкая родня на родине картофеля, – заговорил терновник: – но несколько севернее, чем растёт он. Туда явились норманы; они плыли навстречу туманам и бурям и попали в неведомую страну, где под снегом и льдом нашли разные травы, растения и кусты с тёмно-синими ягодами, похожими на виноград, из которых тоже можно делать вино. То был терновник; его ягоды созревают на морозе, как и мои. И вся страна получила имя «Винной страны», «Зелёной страны», «Гренландии»!

– Да это целая поэма! – сказал молодой человек.

– Да, а теперь иди-ка вот сюда! – сказала знахарка и подвела его к улью. Он заглянул туда. Что за жизнь, какое движение! Во всех проходах сидели пчёлы и махали крылышками, чтобы проветрить эту огромную фабрику, – это была их обязанность. А в улей всё прибывали новые и новые пчёлы, нагруженные провизией; они приносили на щётках ножек цветочную пыль, отряхали её, сортировали, – часть шла на мёд, часть на воск. Пчёлы прилетали и улетали; царица тоже хотела было улететь, но за нею пришлось бы улететь и всем, а не время было, и вот они взяли, да и откусили её величеству крылышки, – пришлось ей остаться на месте!

– Подымись теперь на насыпь, что возле канавы! – сказала знахарка. – Погляди на дорогу и на добрых людей!

– Да там их тьма тьмущая! – воскликнул молодой человек. – Шум, гам! История на истории! Ох, у меня в глазах темнеет! Я упаду навзничь!

– Нет, смело иди вперёд! – сказала старуха. – Идя прямо навстречу жизни, в самую густую толпу, да насторожи и глаза, и уши, и сердце! Тогда живо придумаешь что-нибудь! Но сперва отдай мне мои очки и слуховой рожок, а там и ступай себе!

И она взяла у него и то, и другое.

– Теперь я ровно ничего не вижу! – сказал молодой человек. – И ничего не слышу!

– Ну, видно не сделаться тебе поэтом к Пасхе! – сказала знахарка.

– А когда же? – спросил он.

– Ни к Пасхе, ни к Троице! Тебе никогда ничего не придумать!

– Так за что же мне взяться, что делать, если я хочу жить творчеством?

– Ну, этого-то ты можешь добиться и к маслянице! Засади поэтов в бочку, да и колоти по ней!^[1] Колоти по их творениям, это всё одно, что колотить их самих! Только не падай духом, колоти хорошенько и сколотишь себе деньжонки! Хватит на прокорм и тебе, и жене!

– Вот что можно придумать! – сказал молодой человек и принялся колотить поэтов одного за другим, – самому-то ему не удалось

сделаться поэтом.

Мы узнали всё это от знахарки; она-то уж знает, что можно придумать!

---

^[1] Намёк на старинный обычай сажать на маслянице в бочку кошку. См. примеч. т. II, стр. 153. – Старый обычай, долго державшийся в Дании: в бочку сажают кошку и начинают изо всех сил колотить по бочке, пока, наконец, не вышибут из неё дно, и кошка, как угорелая, не выскочит оттуда.

✖ ✖ ✖ ✖ ✖

✖ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Комета

И вот, на небе появилась комета, ядро её сияло, хвост грозил розгой. На нее смотрели и из богатых за́лков, и из бедных домов, глазели и целые толпы, устремлял взор и одинокий путник, проходивший по безлюдной степи, и каждый при этом думал своё.

– Идите смотреть на небесное знамение! Какое великолепие! – сказал кто-то, и все повысыпали из дома смотреть на комету.

Но в одной горнице ещё остались двое: маленький мальчик с матерью. На столе горела сальная свечка, и мать увидала, что на фитиле образовался нагар в виде стружки, а это означало, по народному поверью, скорую смерть мальчика, – стружка, ведь, наклонилась в его сторону.

Мать верила в эту старинную примету. Но мальчику суждено было прожить на земле долгие годы и увидеть комету во второй раз,

более шестидесяти лет спустя.

Мальчик не замечал нагара на свечке, не думал о комете, появившейся при нём впервые. Перед ним стояло на столе склеенное блюдечко с мыльной водой, он погружал в неё маленькую глиняную трубочку, брал в рот другой конец её и пускал мыльные пузыри – и большие, и маленькие. Они колебались и переливались всеми цветами радуги, из жёлтых становились красными, из лиловых голубыми, а потом вдруг окрашивались в ярко-зелёный цвет листьев, залитых в лесу лучами солнышка.

– Дай Бог прожить тебе столько лет, сколько пустишь пузырей! – сказала мать.

– Ох, как много! – воскликнул мальчик! – Этой мыльной воды хватит на век!

И он продолжал выпускать пузырь за пузырём.

– Вот летит год! Вот ещё! Гляди, как они летят! – приговаривал он. Два пузыря влетели ему прямо в глаза; как их зашипало, закусало, – до слёз! И в каждом пузыре мальчик видел блестящую, ослепительную картину будущего.

– Вот когда её отлично видно! – кричали, между тем, соседи. – Идите же смотреть комету! Что вы засели там!

Мать взяла мальчика за руку; пришлось ему положить трубочку, расстаться со своею игрою, – надо было посмотреть на комету.

И мальчуган смотрел на её сияющее ядро и на блестящий хвост. Кто говорил, что он длиною в три аршина, кто – что он не меньше трёх миллиардов. Всякий, ведь, мерит на свой аршин.

– И дети, и внуки наши успеют умереть, прежде чем она появится на небе опять! – толковали люди.

Большинства из них и действительно уже не было в живых, когда она появилась вторично, но мальчик, которому нагар на свечке предвещал, по мнению матери, близкую смерть, был ещё жив, хотя и очень стар, весь седой. «Седые волосы – цветы старости!» – гласит поговорка, и у него была полная голова этих цветов. Он уж был старым школьным учителем.

Школьники говорили, что он страсть какой умный и учёный, знает и историю, и географию, и всё, что только можно знать о телах небесных.

– Всё повторяется! – говаривал он. – Только примечайте

хорошенько лица и события и увидите, что они постоянно повторяются, возвращаются обратно, только в иных костюмах, в иных странах.

И школьный учитель указывал на историю о Вильгельме Телле, которому пришлось стрелять в яблоко, положенное на голову его собственного сына. Прежде, чем выстрелить, он припрятал за пазуху другую стрелу для злого Геслера. Происходило это в Швейцарии, но за много лет до этого, то же самое случилось в Дании. Пальнатоку^[1] тоже пришлось стрелять в яблоко, положенное на голову его сына, и он тоже спрятал за пазуху другую стрелу, чтобы отомстить за себя. А больше, чем за тысячу лет до того – читаем мы в старинных рукописях – происходила такая же история в Египте! Да и события и лица повторяются, возвращаются, как кометы.

И он начинал рассказывать об ожидаемой комете, которую уже видел однажды в своём раннем детстве. Школьный учитель много знал о небесных телах, много думал о них, но не забывал оттого ни истории, ни географии.

Сад свой он разбил в виде карты Дании. Каждая часть, каждая провинция изображалась цветами и растениями, которые были ей наиболее свойственны.

– Ну-ка, достаньте мне гороха! – говорил он, и ученики направлялись к грядке, представлявшей Лолланд. – Достаньте мне гречихи! – и те шли к Лангеланду. Чудесные голубые горечавки можно было найти на севере, на Скагене, блестящий Христов тёрн – возле Силькеборга. Самые города изображались статуэтками. Св. Кнуд, поражающий дракона, означал город Одензе; Абсалон с епископским посохом в руке – Сорё; маленькое весельное судно – город Оргус, и так далее. Да, по саду школьного учителя можно было изучить карту Дании, но, конечно, предварительно надо было поучиться у него самого, а это было превесело!

Так вот, опять ожидали комету, и он рассказывал о ней, и о толках людских, вызванных её первым появлением, которое он так хорошо помнил.

– В год появления кометы вино бывает крепче! – говорил он. – Виноторговцы могут разбавлять его водой, – никто не заметит!

Оттого-то они, как говорят, очень жалуют такие годы!
Но небо было покрыто облаками вот уже целых две недели, так что кометы не было видно, хотя она и появилась уже.
Престарелый учитель сидел в своей каморке рядом с классной комнатой. В углу стояли большие старинные борнгольмские часы, доставшиеся ему ещё от родителей. Тяжёлые свинцовые гири уже не поднимались и не опускались больше, маятник не двигался, маленькая кукушка, которая прежде выскакивала и куковала, уже много лет молчаливо сидела взаперти; всё в часах замерло, притихло, они не шли больше. Но старые клавикорды, тоже времён родителей учителя, всё ещё сохраняли в себе жизнь. Струны ещё могли звучать, правда хриловато, но всё же из них можно было извлечь мелодии целого человеческого века. И много воспоминаний будили эти мелодии в старом школьном учителе – и весёлых, и печальных. Много пережил он в этот длинный ряд годов, с тех пор, как видел комету маленьким мальчиком и до её вторичного появления на небе. Он помнил, что сказала его мать, увидя нагар на свечке, помнил чудесные мыльные пузыри, которые пускал тогда... Каждый означал – как он говорил – год его будущей жизни, и какие они были блестящие, радужные! Они сулили ему столько чудес и радостей, детские игры, юношеские наслаждения! Весь свет лежал перед ним, озаренный лучами солнца! То были мыльные пузыри будущего! Теперь он был уже старик и извлекал из струн клавикорд мелодии прошлого – это были уже пузыри, окрашенные цветами воспоминаний. Вот раздалась песня бабушки, которую она напевала, быстро шевеля чулочными спицами.

„Вестимо уж не амазонка
Связала первый нам чулок!“

А вот песня, которую напевала ему, когда он был ребёнком, их старая служанка:

„Ах, сколько испытаний
Готовит свет тому,
Кто млад и глуп – известно
Лишь Богу одному!“

Потом раздались мелодии первого бала, менуэт, молинаски^[2], за ними зазвучали нежные, грустные звуки, вызвавшие на глаза старика слёзы, затем раздался военный марш, затем псалмы, а там опять весёлые игривые звуки. Они сменяли друг друга, следовали один за другим, как мыльные пузыри, что он пускал мальчиком.

Он устремил взор в окно; облака, застилавшие небо, вдруг разошлись, и он увидел комету, её сияющее ядро и блестящий туманный шлейф.

Он как будто видел её в первый раз только вчера, а на самом-то деле, между этими двумя вечерами легла целая человеческая жизнь, богатая воспоминаниями! В тот вечер он был ребёнком и видел в мыльных пузырях «будущее», теперь они показывали ему «прошлое». И душа его прониклась детской верою, глаза засияли, рука упала на клавиши... Раздался звук, словно порвалась струна! – Идите же смотреть на комету! – кричали ему соседи. – Небо чудо какое ясное! Идите, теперь её отлично видно!

Но старый школьный учитель не отвечал; он унёсся в заоблачные высоты, чтобы хорошенько поглядеть на комету! Душа его готовилась пролететь пространство, куда больше, обширнее, нежели пролетает комета. А на неё опять смотрели и из богатых замков, и из бедных домов, глазели и целые толпы, устремлял взор и одинокий путник, проходивший по безлюдной степи. На душу же учителя смотрел теперь Сам Господь и опередившие его на небе дорогие, близкие его сердцу, о которых он так тосковал на земле!

---

^[1]Сказочный датский герой. Предание о нём послужило сюжетом для известной трагедии Эленшлегера «Palnatoke».

^[2]Старинный танец.

 Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена . Рассказы солнечного луча

– Теперь я начну! – заявил ветер.

– Нет, уж, позвольте! – сказал дождь. – Теперь мой черёд! Довольно вы стояли на углу, да выли, что было мочи!

– Так вот ваше спасибо за то, что я в честь вас вывёртывал, да ломал зонтики тех господ, что не желали иметь с вами дела!

– Слово за мною! – сказал солнечный луч. – Смирно!

И это было сказано с таким блеском и величием, что ветер сейчас же растянулся во всю длину. Но дождь всё ещё не хотел уняться, теребил ветер и говорил:

– Неужели мы это потерпим? Он вечно прорвётся вперёд, этот господин! Не станем его слушать! Вот ещё, очень нужно!

А солнечный луч начал:

– Пролетал над бурным морем лебедь; перья его блестели, словно золотые; одно перо выпало и упало на большой торговый корабль, скользивший по морю на всех парусах. Перо запуталось в курчавых волосах молодого человека, надсмотрщика за товарами. Перо птицы счастья коснулось его чела, превратилось в его руке в писчее перо, и он вскоре стал богатым купцом, которому ничего не стоило купить себе золотые шпоры, сменять бочку золота на дворянский щит. Я сам сверкал на этом щите! – прибавил солнечный луч.

– Пролетал лебедь и над зелёным лугом; в тени старого одинокого дерева лежал пастушок, семилетний мальчуган, и посматривал на своих овец. Лебедь поцеловал на лету один из листьев дерева, лист упал в руку пастушка, и из одного листка сделалось три, десять, целая книжка! Мальчик читал в ней о чудесах природы, о родном языке, о вере и знании, а ложась

спать, прятал её себе под голову, чтобы не позабыть прочитанного. И вот, книжка та привела его сначала на школьную скамью, а затем и на кафедру науки. Я прочёл его имя среди имён учёных! – добавил солнечный луч.

– Лебедь полетел в чащу леса и спустился отдохнуть на тихое, тёмное лесное озеро, поросшее кувшинками; на берегу росли тростник, лесные яблони, а в их ветвях куковала кукушка, ворковали лесные голуби.

Бедная женщина собирала здесь хворост; на спине у неё была целая вязанка, у груди же лежал маленький ребёнок. Она увидела золотого лебедя, лебедя счастья, который вылетел из тростника. Но что же такое блестело там? Золотое яйцо! Женщина положила его за пазуху, и яйцо согрелось, в нём зашевелилось живое существо. Оно уже стучало носиком в скорлупку, а женщина-то думала, что это бьётся её собственное сердце.

Придя домой, в свою бедную хижину, она вынула золотое яйцо. «Тик-тик!» слышалось из него, точно яйцо было золотыми часами, но это было настоящее яйцо, и в нём билась жизнь. Вот скорлупка треснула, и из яйца высунул головку маленький лебедь, покрытый золотым пушком. На шейке у него было четыре золотых кольца, и так как у женщины было ещё трое сыновей, кроме того, который был с нею в лесу, то она сразу догадалась, что кольца эти предназначались её детям. Только что она сняла кольца – золотой птенец улетел.

Женщина перецеловала кольца, дала каждому ребёнку поцеловать своё кольцо, приложила их к сердцу каждого и затем надела на пальчики детей.

– Я видел всё это! – прибавил солнечный луч. – Видел и то, что из этого вышло.

Один из мальчиков копался в глине, взял комок глины, начал мять его между пальцами, и вышла статуя Язона, добывшего золотое руно.

Другой мальчуган сейчас же побежал на луг, поросший чудными, пёстрыми цветами, набрал там целую горсть цветов, крепко стиснул их в ручонке, и цветочные соки брызнули ему прямо в глаза, омочили его золотое кольцо... В мозгу мальчика что-то зашевелилось, в руках тоже, и, несколько лет спустя, в большом

городе заговорили о новом великом живописце.

Третий мальчуган так крепко стиснул своё кольцо зубами, что оно издало звук, отголосок того, что таилось в сердце мальчугана, и с тех пор чувства и думы его стали выливаться в звуках, подниматься к небу, как поющие лебеди, погружаться в бездны мысли, как лебеди погружаются в глубокие озёра. Мальчик стал композитором; каждая страна может считать его своим.

Четвёртый же мальчик был заморыш, и на языке у него, как говорили, сидел типун; его надо было угощать маслом с перцем, как больных цыплят, да хорошими трёпками, ну, его и угощали! Я же дал ему свой солнечный поцелуй! – сказал солнечный луч. – Да не один, а десять! Мальчик был поэтической натурой, и его то дарили поцелуями, то угощали щелчками, но он всё-таки владел кольцом счастья, данным ему золотым лебедем, и мысли его взлетали к небу золотыми бабочками, а бабочка – символ бессмертия!

– Длинная история! – сказал ветер.

– И скучная! – прибавил дождь. – Подуй на меня, я в себя прийти не могу!

И ветер принялся дуть, а солнечный луч продолжал:

– Лебедь счастья пролетал и над глубоким заливом, где рыбаки закидывали сети. Беднейший из рыбаков собирался жениться и женился.

Лебедь же принёс ему кусок янтаря. Янтарь притягивает, и этот кусок притянул сердца к дому рыбака. Янтарь – чудеснейшее благовонное курение, и из дома рыбака стало исходить благоухание, как из храма; это было благоухание самой природы Божьей! Бедная чета наслаждалась семейным счастьем, была довольна своею скромною домашнею обстановкой, и вся жизнь её прошла как один солнечный день!

– Не пора ли прервать его! – сказал ветер. – Довольно уж он болтал! Я соскучился!

– И я тоже! – сказал дождь.

А что же скажем мы, прослушав эти истории?

Мы скажем:

– Ну вот, и конец им!

 Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. И в щепке порою скрывается счастье!

Теперь я расскажу вам историю о счастье. Все знакомы со счастьем, но иным оно улыбается из года в год, иным только в известные годы, а бывают и такие люди, которых оно дарит улыбкою лишь раз в их жизни, но таких, которым бы оно не улыбнулось хоть раз – нет.

Я не стану рассказывать о том, что маленьких детей присылает на землю Господь Бог, что Он кладёт их прямо к груди матери, что это может случиться и в богатом замке, в уютной комнате, и в чистом поле, на холоде и ветре, – это знает всякий. Но вот, что знает не всякий, а между тем это вернее верного: Господь Бог, ниспосылая на землю ребёнка, ниспосылает вместе с ним и его счастье. Только счастье это не кладётся на виду, рядом с ребёнком, а прячется обыкновенно в каком-нибудь таком местечке, где меньше всего ожидают найти его. Найдись же оно всегда рано или поздно найдётся, и это лучше всего! Оно может скрываться в яблоке, как, например, счастье одного великого учёного, по имени Ньютона. Яблоко шлёпнулось перед ним на землю, и он нашёл в нём своё счастье. Если ты не знаешь этой истории, то попроси рассказать тебе её того, кто знает, я же хочу рассказать другую историю – о груше.

Жил-был бедняк; он и родился, и вырос в нужде, и в приданое за женою взял нужду. По ремеслу же он был токарь и точил главным образом ручки, да колечки для зонтиков, но работа эта только-только позволяла ему перебиваться с семьёй.

«Нет мне счастья!» говаривал он.

История эта настоящая быль; я мог бы даже назвать и страну и местность, где жил наш токарь, но не всё ли равно?

Первым и главным украшением его садика служила красная, кислая рябина, но росло в саду и одно грушевое дерево, да только без плодов. И всё же счастье токаря скрывалось как раз в этом дереве, в его невидимых грушах!

Раз ночью поднялась сильная буря; в газетах писали даже, что ветер подхватил большой дилижанс и швырнул его оземь, как щепку. Не мудрено, что таким ветром обломило и сук у грушевого дерева.

Сук принесли в мастерскую, и токарь, ради шутки, выточил из него большую грушу, потом поменьше, ещё меньше и, наконец, несколько совсем крохотных.

– Пора было дереву принести груши! – сказал он, шутя, и раздал груши детям, – пусть играют!

К числу вещей необходимых в сырых, дождливых странах относится, конечно, зонтик, но вся семья токаря обходилась одним зонтиком. В сильный ветер зонтик выворачивало наизнанку, иногда даже ломало, но токарь сейчас же приводил его в порядок. Одно было досадно – пуговка, на которую настёгивалось колечко шнурка, охватывавшего сложенный зонтик, часто выскакивала, или ломалось самое колечко.

Раз пуговка отскочила, токарь стал искать её на полу и нашёл вместо неё одну из маленьких точёных груш, которые отдал играть детям.

– Пуговки теперь не найти! – сказал токарь. – Но можно воспользоваться вот этой штучкой! – И он просверлил в груше дырочку, продёрнул сквозь неё шнурок, и маленькая груша плотно вошла в полуколечко. Так хорошо застёжка ещё никогда не держалась!

Посылая на следующий год в столицу ручки для зонтиков, токарь послал также вместо застёжек и несколько выточенных груш с полуколечками к ним и просил хозяина магазина испробовать новые застёжки. Последние попали в Америку; там скоро смекнули, что маленькие груши лучше, удобнее всяких пуговок, и потребовали от поставщика, чтобы впредь и все зонтики

высылались с такими застёжками.

Вот когда закипела работа! Груш понадобились тысячи! Токарь принялся за дело, точил, точил, всё грушевое дерево пошло на маленькие груши. А груши приносили скиллинги и далеры!

– Так счастье моё скрывалось в грушевом дереве! – сказал токарь. У него теперь была уже большая мастерская, он держал подмастерьев и учеников, вечно был весел и приговаривал: «И в щепке порою скрывается счастье!»

Скажу то же самое и я.

Говорят же, ведь: «возьми в рот белую щепочку и станешь невидимкою!» Но для этого нужно взять настоящую щепочку, которая даётся нам на счастье от Господа Бога. Вот и мне дана такая, и я тоже могу извлечь из неё, как и токарь, звонкое, блестящее, лучшее в свете золото, то золото, что блестит огоньком в детских глазках, звенит смехом из детских уст и из уст их родителей. Они читают мои сказки, а я стою посреди комнаты невидимкою, – у меня во рту белая щепочка! И увижу я, что они довольны моею сказкою, я тоже скажу: «да, и в щепке порою скрывается счастье!»

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Короли, дамы и валеты (Вельможные карты)

Какие чудесные игрушки можно вырезать и склеить из бумаги! Однажды вырезали и склеили игрушечный замок, такой большущий, что он занял весь стол, а раскрасили его так, будто был он выстроен из красных кирпичей. У него была блестящая медная

крыша, были башни и подъемный мост, вода во рву была словно зеркало, да там и лежало зеркальное стекло. На самой высокой сторожевой башне стоял вырезанный из дерева дозорный с трубой, в нее можно было трубить, но он не трубил!

Хозяином всему этому был мальчик по имени Вильям, он сам поднимал и опускал подъемный мост, заставлял маршировать по мосту оловянных солдатиков, а потом открывал замковые порота и заглядывал в большую рыцарскую залу, а там, как и настоящих рыцарских залах, по стенам висели портреты в рамах. Только портреты эти были карты, вынутые из колоды: червонные, бубновые, трефовые и пиковые короли в короне и со скипетром, дамы в покрывалах, ниспадающих на плечи, и с цветком или веером в руке, валеты с алебардами и развевающимися на беретах перьями.

Однажды вечером мальчик, облокотившись о стол, заглянул через открытые замковые ворота в рыцарскую залу, и тут ему вдруг показалось, будто короли делают на караул скипетрами и будто в руках пиковой дамы шевельнулся золотой тюльпан, а червонная дама даже подняла свой веер. Все четыре королевы милостиво подали Вильяму знак, что он замечен. Мальчуган придвинулся ближе, чтобы лучше видеть, но наткнулся головой на замок, и тот пошатнулся. Тогда все четыре валета – трефовый, пиковый, бубновый и червонный, выставив вперед алебарды, загородили вход в залу, чтобы он и не пытался туда проникнуть.

Малыш понял и дружески кивнул картам: дескать, не беспокойтесь. Не дождавшись ответа, он кивнул еще раз и попросил:

– Скажите что-нибудь!

Но карты не вымолвили ни слова; когда же мальчик кивнул червонному валету в третий раз, валет соскочил со своей карты и встал посредине залы.

– Как тебя зовут? – спросил он малыша. – Глаза у тебя ясные, зубы – белые, вот только руки ты мыть не любишь!

Не очень-то любезно это было с его стороны!

– Меня зовут Вильям, – ответил малыш, – а это мой замок, а ты мой валет червей!

– Я валет червонного короля и червонной королевы, а вовсе не твой! – заявил валет. – Я могу выйти из карты и из рамы, а о знатных господах и говорить не приходится. Мы могли бы странствовать по свету, но он нам надоел; куда покойней и уютней сидеть на карте и оставаться самим собой.

– Значит, вы и вправду раньше были людьми? – спросил малыш.

– Людьми мы были, – ответил червонный валет, – но не очень добрыми. Зажги мне восковую свечку, лучше всего красную, потому что это масть моя и моих господ, и тогда я расскажу нашу историю владельцу замка; ведь ты, по твоим словам, и есть владелец замка. Только смотри не перебивай меня: раз уж я говорю, то все пусть идет, как по писаному.

Видишь, это мой король, король червей: он самый старший из всей четверки королей, потому что родился первым; родился он с золотой короной на голове и державой в руках. И тут же начал править. Его королева родилась с золотым веером; веер этот ты можешь видеть и сейчас. Жилось им с малых лет просто прекрасно, в школу они не ходили, а только развлекались целый день – строили и сносили замки, ломали оловянных солдатиков и играли в куклы; бутерброд им приносили намазанный маслом с обеих сторон и посыпанный сахарной пудрой. Да, ну и времечко было, доброе старое время, так называемый золотой век, но даже и такое им надоело. Надоело оно и мне. И тогда на смену пришел бубновый король.

Больше налет ничего не сказал; мальчик хотел послушать еще, но валет не произносил ни слова; и тогда малыш спросил:

– А потом что было?

Червонный валет не ответил, он стоял навтыжку и не отрываясь глядел на горящую красную восковую свечу. Малыш стал кивать ему, кивнул еще и еще раз – никакого ответа; тогда он повернулся к бубновому валету, и после третьего кивка тот тоже

соскочил со своей карты, вытянулся в струнку и произнес одно лишь единственное слово:

– Свечку!

Малыш тотчас же зажег красную свечку и поставил ее перед ним; бубновый валет сделал алебардой на караул и сказал:

– Итак, явился бубновый король – король со стеклянным окошком-ромбиком на груди; и у королевы было такое же. Заглянешь в окошечко и сразу видишь, что оба супруга сделаны из того же самого теста, что и все другие люди. Это было всем так приятно, что ‘им воздвигли памятник, который простоял целых семь лет, да он и был воздвигнут на века.

Бубновый валет снова сделал на караул и устался на свою красную свечку.

Не дожидаясь пригласительного кивка маленького Вильяма, вперед степенно, точно аист, вышагивающий на лугу, прошествовал трефовый валет. Черный трилистник, будто птица, слетел с карты; он перелетел через голову валета, а потом снова вернулся на свое место в углу на карте. Трефовый валет, так и не попросив зажечь восковую свечку, как два других валета, заговорил:

– Не всем достается хлеб, намазанный маслом с обеих сторон. Такой бутерброд не достался ни моему королю, ни королеве; им пришлось ходить в школу и учиться тому, чему прежние короли не учились. И у них было стеклянное окошечко на груди, но никто туда не заглядывал, разве только для того, чтобы убедиться – не испортился ли часовой механизм, а если испортился, то выбрать их за это. Кому знать, как не мне: я служил моим господам много лет, из их воли я не выхожу. Захотят мои господа, чтобы я нынче вечером больше не говорил, я и буду молчать и сделаю на караул.

Вильям и ему зажег свечку, белую-пребелую,

«Фью!» Не успел Вильям зажечь новую свечу, как посередине рыцарской залы стоял уже валет пик, он появился мгновенно, хотя и прихрамывал, будто колченогий. Он не отдал честь; он

скрипел, словно разваливался на куски; как видно, немало пришлось ему пережить. Заговорил и он.

– Каждому досталось по свечке, – сказал он, – достанется, верно, и мне, я знаю. Но если нам, валетам, зажигают по одной свечке, то нашим господам нужно зажечь в три раза больше. А уж моим королю пик с королевой, пиковой дамой, подобает не меньше как по четыре! История их испытаний так печальна! Недаром они носят траур, а в гербе у них, да и у меня тоже, – могильный заступ! Меня даже за это в насмешку прорвали Черный Пер. Есть у меня прозвище и похуже, и выговорить-то его неудобно! – И он прошептал: – Меня называют Выгребатель нечистот. А когда-то я был первым придворным кавалером короля пик, теперь я последняя фигура в колоде игральных карт. Историю моих господ рассказывать не стану. Сам разберись в ней, как знаешь. Лихие настали времена, и хорошего ждать нечего, а кончится тем, что все мы взовьемся на красных конях выше туч.

Маленький Вильям зажег по три свечи каждому королю и каждой королеве, а пиковым королю с королевой досталось по четыре. В большой рыцарской зале стало светло-светло, словно во дворце самого богатого императора, а знатные господа кротко и царственно приветствовали мальчика! Червонная дама обмахивалась золоченым веером, в руке у пиковой дамы колыхался золотой тюльпан, да так, что казалось, будто он извергает пламя. Короли и королевы соскочили со своих карт и из рам в залу и стали танцевать менуэт, и валеты тоже. Они танцевали, озаренные пламенем. Казалось, вся зала горит; огонь трещал, из окон вырывалось пламя, языки пламени лизали стены, весь замок пылал.

Вильям испуганно отпрянул в сторону и закричал: – Папа! Мама! Замок горит!

Посыпались искры, замок пылал и пламенел, и вдруг в огне раздалось пение:

– Теперь мы взовьемся на красных конях выше туч, как и подобает рыцарственным мужам и дамам. И валеты с нами!

Вот какой конец постиг игрушечный замок Вильяма и фигуры из

колоды игральных карт. А Вильям жив до сих пор и часто моет руки.

И не он виноват, что замок сгорел.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Тряпьё

Перед бумажною фабрикою были свалены вороха тряпок, собранных отовсюду. У всякой тряпки была своя история, каждая держала свою речь, но нельзя же слушать всех зараз! Некоторые были здешние, другие заграничные. Одной датской тряпке случилось лежать рядом с норвежской; первая была мягкой датской, вторая суровой норвежской закваски. И вот, это-то и было самое забавное в них, с чем, наверно, согласится всякий благоразумный норвежец и датчанин.

Они узнали друг друга по языку, хотя датский и норвежский языки – по словам норвежской тряпки – так же различны, как французский и еврейский.

– Мы берём свой язык из недр народа в сыром, первобытном виде, а датчане создают себе искусственно приторный, пошлый язык! –

прибавила норвежская тряпка.

Разговор вели, ведь, тряпки, а тряпка так уж и есть тряпка, из какой бы страны ни была; значение они приобретают лишь в ворохах, как тряпьё.

– Я дочь Норвегии! – продолжала первая. – И этим, я думаю, сказано довольно! Я крепка волокнами, как древние скалы старой Норвегии, страны свободной, конституционной, которая не уступит Америке! У меня волокна так и чешутся при одной мысли о том, кто я! И мысли мои звонко выливаются в гранитных словах!

– Но мы имеем литературу! – сказала датская тряпка. – Понимаете вы, что это значит?

– Понимаете? – повторила норвежская тряпка. – Ах, ты, дочь низменной страны! Поднять что ли тебя на скалы и осветить северным сиянием, тряпка ты этакая! Когда лёд тает от лучей норвежского солнца, к нам приходят датские судёнышки с маслом да сыром – благородные товары, нечего сказать! – а вместо балласта привозят с собою и датскую литературу! Мы же в ней не нуждаемся! Не диво обойтись без выдохшегося пива там, где бьёт свежий ключ! Наша литература, что твой родник, а не пробуравленный колодезь! И европейскою известностью своею она обязана самой себе, а не широким газетным гло́ткам, не кумовству, не шлянью авторов за границу! В нас говорит «нутро», и датчанам пора привыкать к этому свободному голосу, да они и так уж цепляются в своих скандинавских симпатиях за нашу гордую скалистую страну, древнейшую кочку вселенной!

– Так не позволит себе говорить ни одна датская тряпка! – сказала представительница Дании. – Это не в нашем характере. Я хорошо знаю себя, а таковы, как я, и все наши датские тряпки. Все мы добродушны, скромны, мало верим в самих себя. Этим, конечно, много не возьмёшь, но мне лично это всё-таки больше по сердцу! Могу, однако, уверить вас, что я вполне сознаю свою добротность, но только не говорю о ней. В самохвальстве меня уж никто не обвинит! Я мягка, податлива, вынослива, независтлива, обо всех отзываюсь хорошо, хотя и мало кто этого заслуживает, но это уж их дело, а не моё! Мне-то что? Я только посмеиваюсь себе, как натура богато одарённая!

– Ах, замолчите! Меня просто тошнит от вашего мягкого, липкого, клейстерного языка! – сказала норвежка и перелетела по ветру в другой ворон.

Обе стали бумагой, и случай распорядился так, что норвежская тряпка стала листком бумаги, на котором один норвежец написал любовное письмо датчанке, а датская тряпка – бумагой, на которой датчанин написал оду в честь величавой красавицы – Норвегии.

И из тряпок может выйти что-нибудь путное, раз они выберутся из общей кучи, да переродятся к лучшему, просветятся, – в этом вся суть.

Вот и вся история. Она довольно забавна и никого не задевает, кроме – тряпья.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...